
E.C. Марей

КОНФЛИКТЫ ОТШЕЛЬНИКОВ И КЛИРИКОВ В ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ: СМЕНА МОДЕЛИ АВТОРИТЕТА?*

В статье анализируются т.н. «автобиографические» произведения Валерия из Бьерсо – отшельника и монаха, жившего в конце VII в. в горах Галисии на Северо-Западе Пиренейского полуострова. Один из основных мотивов произведений – противостояние Валерия и клириков (пресвитеров и епископа). Исследователи объясняют эти конфликты конкуренцией Валерия и клириков за лидерство в христианской общине.

В статье подробно рассматриваются причины каждого конкретного конфликта Валерия с представителями церковной и монастырской иерархии, а также анализируются способы и приемы, с помощью которых автор изображает своих противников. Валерий никогда не называет прямых причин конфронтации: для него все клирики – агенты дьявола.

Хотя Валерий и декларирует уход от мира, в реальности он почти всегда был окружен учениками и последователями. Он пользовался уважением и почитанием мирян, которые отдавали ему в обучение детей и дарили подарки. Немаловажным фактором было образование Валерия, по-видимому, достаточно высокого уровня, но главной составляющей авторитета отшельника был его крайне суровый, аскетический образ жизни. Рассказ о несправедливых гонениях должен был усилить впечатление об исключительном, близком к мученичеству существовании отшельника.

Очевидно, пресвитеры небольших сельских церквей, находившихся неподалеку, с трудом переносили соседство харизматичного отшельника, поскольку милостины и подаяние были основными источниками их существования. Так, в основе конфликта Валерия и аббата Руфианского монастыря лежал именно имущественный спор.

Что же касается отношения Валерия и епископа Исидора, то, как показано в статье, конфликта как такового не было. Епископ хотел взять Валерия на цер-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00723, <https://rscf.ru/project/23-28-00723/>. Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

This work was supported by the Russian Science Foundation under grant No 23-28-00723, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00723/>. The project was organized by St. Tikhon's Orthodox University.

ковный собор в Толедо: авторитетный и почитаемый отшельник должен был усилить позиции самого Исидора. Валерий же не упустил возможности показать это как очередное ниспосланное ему испытание. Между тем с преемником Исидора, епископом Аврелием, у отшельника сложились вполне добрые отношения. Таким образом, епископ не всегда выступал антагонистом отшельника, а, скорее, пытался «встроить» его в церковную иерархию.

Ключевые слова: Валерий Бергиденский, история монашества, отшельник, религиозный авторитет, Толедское королевство, епископ и монах, модели святости

Проблема власти, механизмов ее осуществления и способов передачи является одной из краеугольных проблем исторической науки, традиционно привлекающей внимание исследователей античности и средневековья. Сказанное в полной мере относится к властным институтам Толедского королевства вестготов, существовавшего на территории Пиренейского полуострова с 569 по 711 г. (выделю лишь самые общие работы: King 1972; García de Valdeavellano 1977; García Moreno 1989; Корсунский 1969; Ауров 2019).

Административная система Толедского королевства, разумеется, была далека от устройства современных государств. В условиях слабости центральной власти и общей неразвитости государственных институтов и бюрократического аппарата большую роль в жизни общины играли религиозные лидеры – епископ и/или т.н. «святой человек». Пожалуй, наиболее четко на материале вестготской эпохи это продемонстрировала С. Мартен, отметив исключительную роль епископа в жизни города и городской общины (Martin 2003. P. 113–133). Основания и механизмы епископской власти, как духовной, так и светской, были исследованы в недавней монографии М.Ю. Биркина. Как показал исследователь, авторитет епископа не в последнюю очередь зависел от его происхождения и уровня образования. Для Исидора Севильского образованность епископа была столь же важным качеством, как и благочестие (Биркин 2020. С. 55–75).

«Святой человек» (*le saint homme*) является буквальным переводом термина *holy man*, введенного П. Брауном: это харизматичный отшельник и аскет, чей суровый образ жизни вызывает уважение и почитание мирян (преимущественно в сельской местности). Он выполняет функции наставника, педагога, целителя, у него просят заступничества и посредничества (Martin 2003. P. 99–102). Между клириками и отшельниками, стоящими как бы вне церковной системы, возникает конкуренция за власть, влияние и милостыню. Как отмечают исследователи, для клириков и монахов, живущих в монастыре по уставу, отшельник был подозри-

тельной фигурой: ведь никто не мог поручиться, что тот ведет праведный образ жизни. С другой стороны, высокомерие отшельника, который считал, что только путь анахорета ведет к спасению, не могло вызывать у клириков добрых чувств (Díaz y Díaz 1969. P. 222; Martín 2003. P. 134; Gallon 2021. P. 66–69; Díaz, Fernández Ortiz de Guinea 1997. P. 23–35).

Эти конфликты, как правило, анализируются на материале т.н. «автобиографических» сочинений Валерия Бергиденского, отшельника, жившего в конце VII в. в горах Бьерсо, на Северо-Западе Пиренейского полуострова. Поскольку каждое из этих трех произведений написано от первого лица – самого Валерия, их принято называть автобиографическими, однако, считать их автобиографиями в современном смысле слова довольно трудно (но об этом ниже). Перед читателями открывается картина невероятных препятствий, лишений и гонений, которые пришлось вынести автору. Валерий находится в постоянной борьбе с дьяволом, который докучает отшельнику через стихийные бедствия, несчастья и главное, через своих приспешников. В частности, Валерий описывает свои конфликты с двумя пресвитерами – Флайном и Юстом, с неким Фирмином, а также козни епископа Асторги Исидора. По мнению исследователей, приведенному выше, причины этих конфликтов нельзя списать только на характер Валерия: они обусловлены конкуренцией за духовное влияние в христианской общине.

Для нас интересно другое: очевидно, что Валерий пользовался авторитетом в глазах верующих христиан. На чем был основан его авторитет? И можем ли мы говорить о некоторой смене мировоззрения, когда духовным лидером общины становится не образованный епископ, включенный в церковную иерархию, а харизматичный аскет? Для ответа на эти вопросы следует разобрать каждый конфликт отдельно, выделив его возможные причины, реакцию Валерия и, конечно, способ описания им каждого конфликта. Но прежде всего следует подробнее поговорить о жанровых особенностях нашего источника.

Своеобразие «автобиографических» произведений Валерия Бергиденского

Все сведения о Валерии мы черпаем из его собственных произведений. Корпус «автобиографических» сочинений включает в себя три прозаических текста и два стихотворения¹, и на первый взгляд, он со-

¹ В оригинале названия его прозаических произведений следующие: «Ordo querimoniae praefati discriminis» (OQ), «Replicatio sermonis a prima conversione» (RS) и «Quod de superioribus querimonii residuum sequitur» (QDSQ). Они перемежаются стихотворениями: «Epitameron proprium praefati discriminis», «Epitameron propriae necessitudinis»; русск. пер. см.: Валерий Бергиденский 2020. С. 360–380.

вершенно не структурирован. В частности, первый текст, «*Ordo querimoniae*» («Воздыхания по поводу пережитых скорбей»), вроде бы выдержан хронологически от момента, когда Валерий решил стать монахом, и до того, как он закончил писать, будучи уже в преклонном возрасте, а во втором тексте («*Возобновление повествования от начала покаяния*») автор вдруг возвращается к событиям своей молодости. Третья часть («*То, что осталось сказать в дополнение к предшествующим воздыханиям*») вообще рассказывает о египетских отшельниках, правда, она, очевидно, не закончена, так что о замысле судить трудно.

Итак, Валерий родился ок. 625–630 гг. в районе Асторги в достаточно состоятельной семье. О благосостоянии его родителей свидетельствует тот факт, что они позаботились дать сыну хорошее образование: по заявлению самого автора, в юности он «в сумерках низменного века устремлялся к бесполезным наукам» (Валерий Бергиденский 2018. С. 362)². Кроме того, текст Валерия характеризует его как человека, начитанного в христианской литературе. Именно Валерий собрал переведенные на латинский язык жития египетских отцов (в частности, «*Житие Антония*» Афанасия Александрийского в переводе Евагрия, «*Жития* Илариона, Павла и Малха Иеронима Стридонского), а также «*Житие св. Фруктуоза Браккарского*». Его перу принадлежат небольшие сочинения морально-дидактического характера, главной темой которых является подвиг монахов и аскетов (Díaz y Díaz 2006. Р. 77–26; Velázquez Soriano 2007. Р. 300–301).

Очевидно, что идеалом для Валерия был отшельник, полностью презревший мирскую жизнь и удалившийся в пустынью. Как считается, сначала он поступил в монастырь в Комплудо, однако позже покинул обитель и ок. 20 лет жил отшельником в горах Бьерсо, потом в поместье знатного мужа Рикимира в Эбронанте, а затем ок. 670 г. оказался в Руфинианском монастыре (совр. Сан Педро де Монтес), где и оставался до конца жизни. Будучи уже в преклонном возрасте, он решил описать свой жизненный путь и те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться (Elfassi 2021. Р. xv–xxi). Таким образом, определяется дата создания его произведений – 690–695 гг. (Ibid. Р. xiii–xiv).

В общем, это не автобиография в привычном нам виде, т.е. не рассказ о конкретных жизненных событиях, выдержанный более или менее по хронологическому принципу. Свою жизнь Валерий пытается построить по модели пустынника, так что в текстах Валерия мы можем различить аллюзии на монашеские жития, а иногда и дословные цитаты из них. Особенно автор любит «*Житие св. Антония Египетского*» и часто ис-

² Ср. ОQ. 1.1: «*Dum olim ego, indignissimus peccator, Asturiensis prouincie indigena, intra adulescentie termpora mundialibus inlecebris occupatus lucrisque terrenis iniens, uanis disciplinis intemperus...*».

пользует топосы оттуда при описании своего опыта пустынножительства (Henriet 2014. P. 17–23). В итоге, жизнь Валерия служит лишь рамкой для гораздо более грандиозного замысла, насчет которого среди современных ученых существует дискуссия.

Так, Р. Коллинз, анализируя названия произведений Валерия, пришел к остроумному выводу, что они соответствуют частям римского судебного процесса, где Валерий выступает в качестве истца, а в качестве ответчика, очевидно, дьявол. Р. Коллинз также предполагает, что Валерий готовил материалы для своего будущего жития (Collins 1986. P. 431–434).

С последним не согласен французский исследователь П. Анрие, утверждающий, что цель Валерия состоит в том, чтобы рассказать об опасностях, которые подстерегают монаха не только вне кельи, но и внутри нее, и дать пример поведения истинного христианина (Henriet 2014. P. 24–25). По мнению П. Анрие, оригинальность Валерия состоит том, что он описывает свой жизненный путь по модели монашеского жития. Из-за того, что повествование ведется от первого лица, оно сильнее воздействует на читателя: как будто борьба с дьяволом происходит прямо здесь и сейчас, на наших глазах. Жизнь отшельника подается как ежедневный подвиг, на который тот сознательно себя обрекает. Итак, Валерий создает из своей биографии некий литературный проект, в котором рисует себя как ищущего спасения подвижника (Henriet 2011. P. 375–376; Henriet 2021. P. lxxxiii–с; о необходимости разделения автора и главного героя автобиографии см.: Зарецкий 2022. С. 72–73).

Валерий Бергиденский как духовный наставник

Несмотря на декларируемое в самом начале сочинения желание уйти от мирской суеты, разрыв нашего автора с миром был довольно условным (Díaz, Fernández Ortiz de Guinea 1997. P. 22; Martin 2003. P. 102; Henriet 2011. P. 373; Gallon 2021. P. Ix–lxi). Так, автор упоминает, что местные жители отдавали ему в обучение своих детей и за это дарили ему ценные подарки, например плащ из козьей шерсти³. Когда мать ученика по имени Феодора забыла выполнить свое обещание, с ней случилось несчастье: однажды по дороге в церковь св. Феликса ее поднял на рога дикий бык. Ее муж и спутники никак не могли ей помочь, но к счастью, к ним приблизился некий «светозарный муж», назвавшийся человеком святого Феликса. Он снял полумертвую женщину с рога быка и исцелил ее, но до того взял с нее клятву, что она тотчас же после выздоровления начнет ткать Валерию обещанный плащ (RS. 3.1–3.6). Этот эпизод интересен

³ RS. 3.1: «Quum in eodem necessitudinis loco quendam bonorum filium enutrem et illi pro eruditione precipuum conscribissem libellum, quum autem parentes eius mici pretium dare niterentur, dixi ad eius pueruli matrem ut michi cilicinum mandaret tantum facere pallium».

еще тем, как наш автор постулирует собственную святость: сам святой Феликс через своего посредника оказывает ему покровительство, а указание на конкретное место совершения чуда и на конкретную женщину призваны сделать рассказ правдоподобным для читателя.

Справедливости ради надо сказать, что Валерий учил не только детей из обеспеченных семей, но и сирот (Ibid. 6.1). Кроме того, у него искали прибежища юноши, желавшие посвятить себя Богу. Так, некий знатный юноша Иоанн, желая стать аскетом, оставил свою невесту и родителей и поселился рядом с Валерием. Дальнейший рассказ Валерия довольно неопределенный: «...ревнностью дьявола ожесточены были сердца коварных людей, что они никоим образом не позволяли ему прийти жить со мной» (Ibid. 13). Мы можем лишь предполагать, что под «коварными людьми» подразумеваются местные церковные власти: в самом деле, затем епископ рукоположил Иоанна против его воли в пресвитеры (Ibid. 14). Правда, совсем скоро у Валерия появился новый ученик по имени Сатурнин.

Итак, чем Валерий привлекал к себе учеников и последователей? Прежде всего, очевидно, своим образом жизни: крайний аскетизм и декларируемый отказ от мира с его соблазнами представлялся им единственным правильным путем спасения. Сам Валерий конструирует свой образ святого и праведного человека: так, он часто упоминает о том, что Бог помогает ему и наказывает его обидчиков как вольных, так и невольных вроде несчастной матроны Феодоры.

Второй, не менее важный фактор колossalного авторитета Валерия среди мирян – его образованность. В условиях упадка культуры и образования (Riché 1962. P. 291–310) знания Валерия должны были цениться очень высоко. Центром культурной жизни и образования все еще остается город (в том числе благодаря епископским школам). Однако в отличие от Юга полуострова Северо-Запад был слабо урбанизирован, а следовательно, школ было мало. Здесь, в районе Бьерсо, Валерий отчасти берет на себя функции клирика – учить, наставлять в вере, подавать пример благочестивой жизни (ср.: Martin 2003. P. 99–103). Его растущий авторитет не может не вызывать зависти клириков.

Конфликты Валерия с пресвитерами: причины и суть

Конфликты Валерия с клириками начались еще в бытность его отшельником, до поступления в Руфинанский монастырь. Так, когда слух о его аскетическом подвиге распространился среди мирян, по свидетельству самого Валерия, к нему стали приходить люди, чтобы принести подношение или услужить чем-либо в обмен на беседу или наставление⁴.

⁴ ОО. 2.1: «Quum hec omnia prolixo iam tempore, opitulante Domino, tolerarem, post aliquantorum annorum interuallo, tandem christiana uidelicet miseratio pietate conmota, cepit se ibidem diuersa

Все это вызвало недовольство пресвитера местной небольшой церквушки по имени Флайн, который, по всей видимости, жил на пожертвования паствы и не желал терпеть рядом с собой конкурента (Díaz, Fernández Ortiz de Guineo 1997. P. 32). Примечательно, что безобразная внешность полностью соответствует его мерзкому характеру. Валерий также характеризует его как «варвара», однако не очень понятно, что это слово означает в конце VII в., когда различия между готами и испано-римлянами практически исчезли.⁵ Вероятно, перед нами литературный топос, и слово «варвар» употребляется просто в уничижительном значении.

Флайн не только постоянно поносил Валерия, но и дошел до того, что силой отнял его сочинения. Валерий вынужден был бежать и вскоре укрылся в поместье Эбронант. По прошествии десяти лет владелец поместья, знатный муж по имени Рикимир, решил сделать Валерия пресвитером своей частной церкви (о феномене частных церквей см.: Díaz 1986. P. 159–177). Валерий, как мог, противился этому назначению, объясняя это тем, что пресвитер находится в пленах постоянных соблазнов, так как бесконечные подношения прихожан отвлекают его от истинного служения Богу (OQ. 5.1). Кроме того, пресвитеры частных церквей часто оказывались в прямой зависимости от их владельцев (Корсунский 1969. С. 221). К счастью для Валерия, Рикимир внезапно умер, а его наследники сделали пресвитером некоего Юста. Валерий характеризует его как «негодного мужа» и подчеркивает несоответствие характера новоназначенного пресвитера и его имени («праведный»). Действительно, имя Юст было распространено в Толедском королевстве (см. список епископов в таком именем в: García Moreno 1974. P. 238), так что мы можем предположить, что противника Валерия именно так и звали. С другой стороны, неправедная и преступная матрона Юста является одним из главных действующих лиц «Жития Дезидерия», и автор жития, вестготский король Сисебут, тоже подчеркивает противоположность ее имени и поступка (Vita Desiderii. 8). Возможно, в характеристике своего противника Валерий следует за Сисебутом, обыгрывая имя пресвитера. Он не пропускает никакой детали, чтобы описать своего противника в

utrumque sexu uulgi caterua confluens glomerare, mee quoque infelicitati adiutorium prebere, obsequium impendere uel stipendia ministrare».

⁵ OQ. 2.2–2.3: «Quumque iam summa necessitas suffragante Domini pietate uerteretur in uoluptate, illico insurgens quidam uir *barbarus*, *uulde lubricus et cunctis leuitatibus occupatus*, Flainus nomine, eiusdem baselicule presbiter, antiqui hostis *stimulis instigatus*, inuidie facibus magisque succensus, sicut mos prauorum est inuidere aliis quod ipsi habere non adpetunt, eiusdem *inuidie tenebris cecatus, insaniens* cepit aduersus pusilitatem meam odia machinare atque crebra pretendere impedimenta sepeque iacturam incutere. Quum uero quandoquidem ad eundem locum conueniebat *cute tetrica*, sicut scriptum est: “frons picea nigriore proprio depromit amictu” *truculentus*, uelut *seuissima bestia frendens*, magis pro contumelia subuersionis mee ad eundem locum accedebat quam ut pacem caritatis aut misericordie perneceteret pietatis».

как можно более невыгодном свете. Примечательно, что несколькими строками ниже Валерий рассказывает о мирянине по имени Симплиций («простой», «прямодушный»), который принял отшельника в свое жилище и всячески помогал ему. Валерий специально подчеркивает, что его новый друг заслуженно носил свое имя⁶. Итак, в небольшом фрагменте Валерий использует одинаковый прием для характеристики персонажей, а именно сравнивает их поведение и значение их имен. Посредством этого приема автор вкладывает в описание простых, рядовых обстоятельств своей жизни некий особый смысл. Этот пример – яркая иллюстрация того, как Валерий делает из своего жизнеописания литературный проект.

Возвращаясь к описанию пресвитера Юста, надо сказать о его черной, как у эфиопов, коже, что, по мнению автора, выдает столь же черную душу⁷. Впрочем, Юст не обязательно был темнокожим: в произведениях Валерия черный цвет и темнота противопоставляются свету и являются меткой дьявола (Collins 1986. P. 428). Учитывая, что Флайн охарактеризован похожим образом, можно сказать, что чернота кожи является просто общим местом. Подчеркну, что Валерий конструирует образы своих противников через яркие и, очевидно, понятные читателям клише.

Важно, что Юст находился во власти предосудительной для священника служителя страсти к музыке: Валерий сообщает далее, что Юст посещал пиры и прилюдно пел на них⁸. Между тем посещение клириками пирам и вообще собраний мирян было осуждено церковными соборами в Нарбоне и в Толедо – Concilium Narbonense, anno 589, can.3 (Vives, Marin Martínez, Martínez Díez 1963. P. 147) и Concilium Toletanum, anno 589, can. 23 (Ibid. P. 133). Так Валерий дает понять читателю, что Юст не просто недостоин, но и не имеет права быть пресвитером. Разумеется, Юст тоже стал непримиримым врагом Валерия: часто банил отшельника при всех, дрался с ним, а однажды даже пытался зарезать, и лишь вмешательство братии спасло Валерия от гибели (OQ. 6.6–6.9). Наш автор изображает своего противника настоящим безумцем, пьяным то ли от вина, то ли от ненависти; такой образ пресвитера, разумеется, не может вызы-

⁶ OQ. 6.5: «Post nobissimum itaque subuersionis commotionisque mee naufragium ab omnibus relictus sum solus et anullo capiens consolationis auxilium, nisi unum tantummodo repperi leuitam Domini, christianum fidelissimum, cuius meritum vocabulum comitabatur suum, nomine Simplicium, qui cum nimia dilectione karitatis me in suum humiliiter suspiciens ospitium».

⁷ OQ. 6.2: «Elegit namque nequissimum uirum false nuncupationis nomine Iustum, *forma exigue pusillitatis tantillum, ac teterime uisionis colore barbarice nationis Etiopum* extrinsecus enim picea cute furuo sordens obtutum, *in cordis uero arcana nigrior existit penitus corbo*, – corpore quidem exiguus, sed *criminum facinoribus copiosus*. Hunc contra uoluntatem meam, me perniciter resistantem, hordinaberunt presbiterum».

⁸ OQ. 6.3: «Qui pro nulla alia electione ad hunc peruenit honorem nisi quia per ipsam multifarie dementia temeritatem propter ioci ylaritatem luxurie petulantis diuersam adsumpsit scurrilitatem, atque musice comparationis lire mulcente perdocitur arte».

вать симпатии у читателей. Примечательно, что для описания поведения Юста Валерий использует цитаты и топосы из житийной литературы: в частности, из «Жития отцов Меридских» (Vitas s. Patrum Emeretensium 5, 6) и «Страстей сорока мучеников» (Passio s. quadraginta martyrum 7)⁹. В глазах читателя это должно было усилить мотив страданий Валерия за веру.

Мы смотрим на этот конфликт только глазами Валерия, который представляет его как несправедливые претензии нечестивого клирика. Но дело, видимо, не только и не столько в моральном облике самого Юста, сколько в том, что тот видел в Валерии конкурента и опасался за свое положение (вспомним, что Рикимир хотел сделать пресвитером именно Валерия).

Насколько можно судить, конфликты «святого мужа» и клириков имели место достаточно часто. В этой связи можно вспомнить случай святого Эмилиана, отшельника, жившего в Риохе. Епископ Диодорий сделал его пресвитером своей церкви, но Эмилиан не перестал держать строгий пост и непрестанно молиться, т.е. не изменил своему образу жизни. Более того, он стал раздавать беднякам милостыню из имущества церкви, что вызывало гнев сначала клириков, а затем и епископа Диодория (Vita sancti Aemiliani 12–13; подробнее см.: Castellanos 1996. P. 82, Марей 2018. С. 231–232). Стого говоря, Эмилиан совершил противоправное деяние, расходуя не принадлежащее ему имущество церкви, однако автор жития, Браулион Сарагосский, оправдывает своего героя, утверждая, что тот «сделал церковь обильной... христианами, а не имуществом» (Браулион Сарагосский 2018. С. 300). Автор резко осуждает клириков и особенно епископа Диодория, который так же, как и Юст, изображен полубезумным от гнева и зависти к добродетелям отшельника. Итак, причина враждебного отношения как к Эмилиану, так и к Валерию связана с чисто меркантильными интересами клириков и с их завистью, так как оба отшельника пользовались большим авторитетом у мирян.

Спор из-за имущества лежит и в основе конфликта Валерия с настоятелями Руфианского монастыря. Так, один из них велел отнять пожалованную Валерию лошадь (надо ли говорить, что лошадь чудом спаслась от преследовавших ее людей и вернулась к своему хозяину?) (OQ. 9.1). После этого знатный муж Василиан подарил Валерию еще одну лошадь, которую злобный настоятель, преемник предыдущего, велел стреножить и бросить в пропасть (лошадь, конечно, выжила и даже не повредилась). Вероятно, одного из этих настоятелей звали Фирмином, и на него Валерий жалуется в заключительной части своей «автобиографии», говоря, что тот постоянно пытался его оскорбить и унизить в глазах братии и

⁹ См. примечание издателей: Valère du Bierzo 2021. P. 50, n. 2–4.

мирян. Причиной же такого отношения стали «подаяние, любовь и уважение добрых христиан»¹⁰. Оставив в стороне вопрос о правомерности действий аббата, отметим, что и в данном случае авторитет Валерия в глазах мирян представляется монастырским властям – как и клирикам – некой угрозой их благополучию, в том числе и имущественному.

Епископ Исидор и Валерий: попытка «присвоения» авторитета?

Несколько иная ситуация складывается с епископами Асторги Исидором и Аврелием. Первого Валерий представляет служителем дьявола: его враждебный замысел состоит в том, чтобы отвести пожилого монаха в Толедо. Этот фрагмент достаточно сложен для понимания еще и из-за разницы в рукописной традиции. Так, в единственной рукописи XIII в., хранящейся ныне в Лиссабоне, сказано, что Исидор злоумышлял привести Валерия в публичный театр города Толедо; в остальных манускриптах слово *theatrum* отсутствует¹¹. Так или иначе поездка в Толедо не состоялась, поскольку Исидор внезапно скончался: по мнению Валерия, над ним свершился суд Божий¹².

По всей видимости, епископ Асторги собирался взять Валерия на XII Толедский собор (681 г.) как представителя Руфианского монастыря, однако сам епископ умер незадолго до отъезда (Díaz y Díaz 2006. P. 268–270). В сознании уже пожилого Валерия поездка в столицу трансформировалась в какое-то страшное искушение, к которому Исидор умышленно его подталкивал. Гипотетическое пребывание в городе, в толпе людей, а тем более – поход в театр, квинтэссенцию суетности и греховности мира, должно было усилить образ нечестивого епископа Асторги. Будучи сам грешником, тот пытается уронить авторитет отшельника в глазах братии. Этот пассаж принято интерпретировать как проявление давно тлеющего конфликта между епископом и отшельником (Díaz y Díaz 1969. P. 222, n. 53; Díaz, Fernández Ortiz 1998. P. 33–34). Действительно, Валерий не питал к Исидору никаких добрых чувств, возможно, из-за того, что тот рукоположил пресвитера Юста, о котором речь шла выше. Но считать, что Исидор был настроен к Валерию враждебно, как мне

¹⁰ QDSQ.2.3: «...Firminus, qui est ipsius morbi gregis in ruine perditione prepositus, nuperrime igitur dementie uesanie frustratus, quod non abuit unde infelicitati mee crimen obiceret, pro sola bonorum christianorum susceptione, karitate et dilectione me conatus est puplica obtructatione derogare...».

¹¹ В издании 2006 г. слово *theatrum* оставлено, так как без него непонятна грамматика фразы. Однако составители нового издания его убрали.

¹² OQ. 7.6: «...demum adgressus pestilentissimum uirum Ysidorum, Asturicensem epicopum, supplantans eum ut me quasi per fraudulente laudis instinctum ad publicum Toletane urbis perduceret [theatrum]. Et dum sic ueniret inmissus ab inimico, ut me mitteret in conmotionis interitum et aliorum fratrum pessimum inrogaret scandalum, recto uidelicet omnipotentis Domini iudicio, lacum quem nobis aperuit ipse repente ingressus est in eo. Nos autem reliquit intactos, illum uero perpetuus obsorbuit infernus».

кажется, нет никаких оснований. В самом деле, попытка взять Валерия на собор указывает, как минимум, на то, что Исидор признавал высокий духовный авторитет отшельника. Валерий не был аббатом монастыря, но именно он должен был его представлять, что свидетельствует о его особом статусе и харизме. Желание Исидора взять в Толедо Валерия стоит трактовать как попытку «присвоить» его авторитет, использовать его харизму в интересах епархии (Gallon 2021. P. lxviii–lxxix). Сходным образом действовал епископ Тирасоны Дидимий: тот сделал пресвитером отшельника Эмилиана ради славы своей церкви и увеличения числа прихожан (Castellanos 1998. P. 124–132).

Если епископ Исидор в глазах Валерия является приспешником дьявола, то с его преемником по имени Аврелий у отшельника сложились вполне добрые отношения. Валерий характеризует Аврелия как «человека Божиего благочестивого епископа» (RS. 9.3). Из текста мы узнаём, что Аврелий освятил храм, построенный учеником Валерия Сатурнином, и рукоположил самого Сатурнина в сан пресвитера, т.е. включил того в церковную иерархию. Вероятно, Аврелий покровительствовал Валерию и его ученикам, чем заслужил лестную характеристику нашего склонного к мизантропии автора. Следовательно, отношения «святого мужа» и представителя церковной иерархии, в данном случае епископа, не обязательно носили конфликтный характер. Конфликт существовал в голове у Валерия, однако в реальности, насколько можно судить, епископ скорее был заинтересован в том, чтобы включить отшельника в число людей, если не контролируемых лично им, то хотя бы находящихся под его влиянием. Таким образом, аскетический авторитет отшельника распространялся бы на всю церковь Асторги, что привело бы к увеличению авторитета самого Исидора.

* * *

От литературы Испании вестготского периода (VI–VII вв.) осталось не так много произведений агиографического характера – всего пять (см.: Velázquez 2005). И в двух из них, где главными героями являются анахореты, упоминается конфликт отшельника и представителей церковной иерархии (причем в случае с Валерием, как мы могли убедиться, такого рода конфликты происходят регулярно). Это свидетельствует о том, что между представителями этих групп действительно имело место недопонимание, основанное на взаимном подозрении. Так, Валерий неоднократно обвиняет своих противников в недостаточно ревностном служении Богу и вообще в недостойном поведении. Мнения его антагонистов мы узнать не можем, но можем догадываться, что они со своей стороны подозревали отшельников в гордыне и неправедном образе жиз-

ни (поскольку этот образ жизни никто не контролирует). Не случайно Исидор Севильский писал, что монаху предпочтительнее жить в монастыре, следя уставу и повинуясь старшим, ибо лишь немногие могут достойно нести бремя аскезы, прочие же стремятся к уединению, чтобы избежать контроля со стороны аббата (Исидор Севильский 2002. С. 215).

Конфликты с пресвитерами – настоятелями небольших деревенских церквушек, – или с низшими клириками, видимо, случались довольно часто. Их причиной была конкуренция между отшельником и пресвитерами за уважение и авторитет в среде мирян. Здесь имели место и чисто меркантильные соображения, поскольку жизнь обоих зависела от подношений и милостыни верующих.

Взаимоотношения анахорета и епископа, по-видимому, носили более сложный характер и не всегда были конфликтными. Скорее нужно говорить о том, что епископы стремились включить отшельника в церковную структуру: во-первых, с целью контроля их образа жизни, во-вторых, для «присвоения» их авторитета. В случае, если епископ оказывал покровительство отшельнику и его ученикам, отношения у них были вполне добрыми.

Можем ли мы сделать вывод, что епископ постепенно теряет позиции религиозного лидера? Ответить на этот вопрос весьма сложно, так как наши источники скудны и доносят точку зрения лишь одной стороны. Тем не менее мы действительно можем заметить некоторую перемену в мировоззрении. Вместо епископа, образованного, начитанного и связанного с городом, идеалом становится монах или отшельник, истово преданный молитвам и служению Богу. Кроме произведений Валерия, об этом свидетельствует «Житие св. Фруктуоза». Так, в прологе к житию автор сравнивает Исидора и Фруктуоза: если первый был известен прежде всего своими богословскими трудами, то другой прославился благочестивой жизнью, сравнимой лишь с подвигом отцов Фиваиды (*Vita sancti Fructuosi. Praef.*). Примечательно, что большинство монастырей, живущих по уставу Фруктуоза, находится как раз на Северо-Западе Испании, в Галисии, где жил Валерий. Вообще, Фруктуоз является для Валерия образцом для подражания. Да и в глазах автора жития, которым, по всей видимости, был кто-то из учеников и последователей Фруктуоза, авторитет аскета был явно выше. Так что можно с известной долей осторожности заключить, что, по крайней мере, на Северо-Западе Пиренейского полуострова образцовым, модельным святым действительно становится аскет, ведущий подчеркнуто суровый образ жизни, а не образованный и связанный с городом епископ. Отметим, что и Фруктуоз, и Валерий были достаточно образованными людьми, однако образование никогда не было главной, определяющей чертой их образа. Валерий в начале

своего произведения очевидным образом противопоставляет «суетную мирскую науку» и истинное служение Богу. Предпочтение монашескому и аскетическому ethos свидетельствует о смене мировоззрения и может считаться одной из вех, обозначающих конец античной культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Ауров О.В.* Испания в эпоху вестготов. Краткая история. СПб., 2019. [*Aurov O.V. Ispaniya v epokhu vestgotov. Kratkaya istoriya (Spain in the Time of Visigoths. A Brief History)*. St. Petersburg, 2019.]
- Биркин М.Ю.* Епископ в Вестготской Испании. СПб., 2020. [*Birkin M.Yu. Episkop v Vestgotskoy Ispanii (The Bishop in Visigothic Spain)*. St. Petersburg, 2020.]
- Браулион Сарагосский.* Житие св. Емилиана / Пер. Е.С. Марей // *Mater Hispania. Khristianstvo v Ispanii v I tysyacheletii / Sost. protoierey A. Kordochkin. St. Petersburg, 2018. С. 292–308.* [*Braulion Saragosskiy. Zhitie sv. Emiliana (Braulio of Zaragoza. The Life of St. Aemilian)* / Per. E.S. Marey // *Mater Hispania. Khristianstvo v Ispanii v I tysyacheletii / Sost. protoierey A. Kordochkin. St. Petersburg, 2018. S. 292–308.]*
- Валерий Бергиденский.* Стихи. Вздыхания по поводу пережитых скорбей / Пер. Н.О. Харламовой // *Mater Hispania. Khristianstvo v Ispanii v I tysyacheletii / Cest. prototierey A. Kordochkin. St. Petersburg, 2018. С. 360–380.* [*Valeriy Bergidenskiy. Stikhi. Vozdykhaniya po povodu perezhitykh skorbey (Valerius of Bierzo. The Poems. Sighs over the Sorrows Experienced)* / Per. N.O. Kharlamovoy // *Mater Hispania. Khristianstvo v Ispanii v I tysyacheletii / Sost. prototierey A. Kordochkin. St. Petersburg, 2018. S. 360–380.]*
- Исидор Севильский.* О церковных службах / Изд. подг. С.А. Воронцов, М.Ю. Биркин, Е.С. Марей, Л.В. Чернин, А.А. Волков. СПб., 2022. [*Isidor Sevil'skiy. O tserkovnykh sluzhbakh (Isidore of Seville. About Church Offices)* / Izd. podg. S.A. Vorontsov, M.Yu. Birkin, E.S. Marey, L.V. Chernin, A.A. Volkov. St. Petersburg, 2022.]
- Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969. [*Korsunskiy A.R. Gotskaya Ispaniya (Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii)* (Gothic Spain. Essays on Socio-Economic and Political History). Moscow, 1969.]
- Марей Е.С.* Конструирование образа святого отшельника в «Житии Эмилиана» Браулиона Сарагосского // Европа святых. СПб., 2018. С. 226–236. [*Marey E.S. Konstruirovaniye obrazov svyatogo otshel'nika v «Zhitii Emiliana» Brauliona Saragosskogo (The Construction of the Image of the Holy Hermit in*

the Life of Aemilian by Braulio of Zaragoza) // Yevropa svyatych. St. Petersburg, 2018. S. 226–236.]

Castellanos S. Conflictos entre la autoridad y el hombre santo. Hacía el control oficial del patronatus caelestis en la Hispania visigoda // *Brocar*. 1996. № 20. P. 77–89.

Castellanos S. Poder social, aristocracias y “hombre santo” en la Hispania Visigoda. La “Vita Aemiliani” de Braulio de Zaragoza. Logroño, 1998.

Collins R. The “Autobiographical Works” of Valerius of Bierzo: their Structure and Purpose // *Los visigodos: Historia y Civilización* / Ed. A. González Blanco. Murcia, 1986. P. 425–442.

Concilios visigóticos y hispano-romanos / Eds. J. Vives, T. Marin Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona; Madrid, 1963.

Díaz P. Iglesia propia y gran propiedad en la autobiografía de Valerio de Bierzo // *Actas de I Congreso Internacional Astorga romana*. Astorga, 1986. P. 159–177.

Díaz P., Fernández Ortiz de Guinea L. Valerio del Bierzo y la autoridad eclesiástica // *Helmantica*. 1997. Vol. 48 (145–146). P. 19–35.

Díaz y Díaz M.C. Eremitical life in Visigothic Spain // *Classical folia*. 1969. Vol. 23. P. 209–227.

Díaz y Díaz M.C. Valerio del Bierzo. Su persona. Su obra. León, 2006.

Elfassi J. Vie et oeuvre de Valère de Bierzo // *Valère du Bierzo*. Écrits autobiographiques et visions de l’au-delà / Texte établi, traduit et commenté par P. Henriet (coord.), J. Elfassi, F. Gallon, C. Martin, J.C. Martín-Iglesias. P., 2021. P. xiii–xxvi.

Gallon F. Érémitisme et monachisme dans l’oeuvre de Valère du Bierzo: modèles, idéaux et pratiques // *Valère du Bierzo*. Écrits autobiographiques et visions de l’au-delà / Texte établi, traduit et commenté par P. Henriet (coord.), J. Elfassi, F. Gallon, C. Martin, J.C. Martín-Iglesias. P., 2021. P. liii–lxxii.

García de Valdeavellano L. Curso de Historia de las Instituciones españolas (De los orígenes al final de la Edad Media). 5 ed. Madrid, 1977.

García Moreno L.A. Prosopografía del reino visigodo de Toledo. Salamanca, 1974.

García Moreno L.A. Historia de España visigoda. Madrid, 1989.

Henriet P. Origines du christianisme ibérique et communauté de parfaits. Valère du Bierzo (VII siècle) // *Estudios de latín medieval hispánico. Actas del V Congreso Internacional de Latín Medieval Hispánico* / J. Matínez Gázquez, O. De la Cruz Palma, C. Ferrero Hernández. Firenze, 2011. P. 367–376.

Henriet P. Les démons de Valère du Bierzo (VIIe siècle) // Moines et démons. Auto-biographie et individualité au Moyen Age (VII–XIII siècles) / Ed. D. Barthélémy, R. Grosse. P., 2014. P. 13–25.

Henriet P. Érémitisme, société, construction de moi: le projet valérien // *Valère du Bierzo*. Écrits autobiographiques et visions de l’au-delà / Texte établi, traduit et commenté par P. Henriet (coord.), J. Elfassi, F. Gallon, C. Martin, J.C. Martín-Iglesias. P., 2021. P. lxxxiii–cxxx.

- King P.D. *Law and Society in the Visigothic Kingdom*. Cambridge, 1972.
- Martin C. *La geographie du pouvoir dans l'Espagne wisigothique*. Lille, 2003.
- Rapp C. *Holy Bishops in Late Antiquity. The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition*. Los Angeles; L., 2005.
- Riché P. *Education et culture dans l'Occident barbare (VI–VIII ss.)* P., 1962.
- Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. L. Vázquez de Paraga. Madrid, 1943.
- Sisebuti Vita Desiderii // *Gil I. Miscellanea visigothica*. Sevilla, 1972. P. 52–69.
- Velázquez Soriano I. *Hagiografía y culto de los santos en la Hispania Visigoda: Aproximación a sus manifestaciones literarias*. Segovia, 2007.
- Vita sancti Fructuosi. *Estudio y edición crítica* / Ed. M.C. Díaz y Díaz. Braga, 1974.

Elena S. Marey

CONFLICTS BETWEEN HERMITS AND CLERICS IN VISIGOTHIC SPAIN: A CHANGE OF THE MODEL OF AUTHORITY?

The article analyses the so-called “autobiographical” works of Valerius of Bierzo, a hermit and monk who lived at the end of the 7th century in the mountains of Galicia in the northwest of the Iberian Peninsula. One of the main motifs of his works is the confrontation between Valerius and the clergy (presbyters and the bishop). Scholars explain these conflicts by the rivalry between Valerius and the clergy for the leadership in the Christian community. The author carries out a detailed examination of the reasons for each of Valerius’ conflicts with the representatives of the church and monastic hierarchy, and also studies those methods and techniques that he used to apply when portraying his opponents.

Keywords: Valerius of Bierzo, history of monasticism, hermit, religious authority, Kingdom of Toledo, bishop and monk, models of holiness

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-181-195